

ное рифмованное послание сына, «от наготы гневного» (л. 120 об.). Сын обращается за помощью к состоятельному милостивцу-отцу. Однако тон его письма не гневный и не униженный, а бесшабашно-веселый. Сын, нагой и «тоший», обращается, как попрошайка, привыкший побираться и не стесняющийся своего грязного и «бурого» тела: «свитченко у меня одно, и то не бывало с плечь давно», «хожу гол, что бурой вол». Он требует от отца: «Одень мою спинку, вели дати свитку». Но ни о какой покорности родителю в письме нет и речи. Это не добрый молодец из «Повести о Горе-Злочастии». Сын не живет и не думает жить с отцом: «тошим» ли, со «свиткой» ли, он намерен тотчас «отъити» и «размыть горе». Такая «голь перекатная», независимая и насмешливая, — характерный образ демократической сатиры XVII в. Сын, пожалуй, сродни бражнику из «Повести о бражнике», стучащемуся в ворота рая.⁴

В том же Софийском сборнике обращает на себя внимание еще одно послание из окружения Азбучного письмовника. Оно не имеет заглавия, и адресат его нарочито неясен: не то монах, не то заключенный в тюрьму. При более внимательном чтении оно может быть понято как ироническое послание к приятелю, у которого испортился желудок: «Неславная и нелепослышная достойнодвство учинил еси, его же несмыслении младенцы стыдятся действовати». Пострадавшему «черньцу» не советуют пить молока, «да не залетит за оболока», и желают неисходительно пребывать там, где «четвероугольные стены преподобное твое тело огражают». Стихотворные отрывки перемежаются в послании прозаическими, а церковнославянские выражения — просторечными, причем в конце даже приводится искаженная цитата из Евангелия.⁵ Все это создает впечатлительные пародии на послание, использующее Писание и церковнослужбные тексты.⁶

⁴ В традициях древнерусского виршевого балагурства о голоде и наготе написано просительное послание 1762 г. (год устанавливается по датированной записи тем же почерком), приписанное к Азбучному письмовнику в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского № 1072, начала XVIII в., на л. 120 об.:

В цыдульке прошение.
 Ох мне, нужда притужает,
 а стыд уста моя заграждает,
 а неволя вопити ми повелевает.
 От ближних просити стыждуся,
 но нужда весма одолевает,
 а стыд к тому отлагает,
 кричать велегласно повелевает.
 Ныне не к тому требуя горелки или других напитков,
 но хлеба суха или мало нечто от прихлебок,
 не ушных различных или напитков разных,
 но кваса проста.
 Не оное брашно уничижая,
 но вам, господам, что зело не докучая,
 а оное от себя не отревая,
 аще что вам господь по сердцу положит.
 Писавший сие прошение имярек.

⁵ Цитирование было замечено Н. А. Мещерским, которому приношу благодарность. См.: Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 26.

⁶ Пародирование Библии и церковнослужбных текстов, как известно, характерно для демократической сатиры и юмористики XVII в., и дополнительные примеры этого можно привести из посланий того же Софийского сборника. В одном из его прозаических посланий сын, приводя библейские параллели, уговаривает отца не идти в монахи, а, в сущности, предлагает ему пображничать: «...и ты, имярек, облещься во одежду праведнаго царя Ахава Израилтескаго, и положи на главу венец Елесфана, царя ефиопскаго, и всяд на столе царя Манасея, и напийся вина Иосифа Прекраснаго, и возприими гусли царя Давыда, и воспой песни в пустыни, яко Монсейски, и возрадуется душа